

Ю. Н. Зинин

Отношения Ирана и арабских стран Персидского залива: некоторые аспекты

Юрий Николаевич Зинин, канд. ист. наук, вед. науч. сотр.
Центра партнёрства цивилизаций Института международных исследований
МГИМО МИД России. 119454, Москва, просп. Вернадского, 76.
E-mail: zinin42@mail.ru

***Аннотация.** В статье рассматриваются некоторые аспекты современных отношений Ирана с шестью арабскими странами, входящими в Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ), существующий с 1981 г.*

Особое внимание уделено состоянию ирано-саудовских отношений, ухудшение которых началось после исламской революции 1979 г. в Иране. Сегодня они находятся на самом низком уровне после их разрыва в 2016 г. Уже ряд лет обе страны опосредованно вовлечены в конфликты на Ближнем Востоке, будь то Сирия, Йемен, Ливан или Ирак.

В статье освещаются торгово-экономические, политические и прочие связи Тегерана с остальными членами ССАГПЗ и их перспективы. Рассматривается также влияние суннитско-шиитского фактора на политику правящих элит в регионе, а также попытки использования религии в политической борьбе различных сил ближневосточного пространства.

***Ключевые слова:** Саудовская Аравия, Иран, отношения, конфликты, Сирия, Йемен, Ирак, арабская весна, шииты, сунниты, ислам, ИГИЛ.*

Отношения между Ираном и шестью арабскими странами Персидского залива представляют особый интерес ввиду огромного геополитического значения региона, а также специфики экономических связей в наступившую эпоху глобализации.

В регионе, расположенном на перекрёстке Азии, Африки и Европы, сосредоточено более 40 % всех мировых запасов нефти и проходят важнейшие нефтетранспортные артерии. За последние годы ежедневно страны «шестёрки» добывали в среднем 17,5 млн барр. нефти. В 2013 г. их доходы составляли 729 млрд долл. Общие золотовалютные запасы этих стран оцениваются МВФ в 2,5 трлн долл.¹, что составляет немалую часть мировой финансовой системы.

Классически, зона Персидского залива рассматривается с позиции энергетических интересов многих стран мира, в том числе Запада – наиболее заинтересованных импортеров местных энергоресурсов. В настоящее время регион является одним из крупнейших покупателей на мировом рынке оружия и военной техники, куда поступает одна треть всего импортируемого мирового объема оружия.

Все страны региона, так или иначе, подвержены угрозам и вызовам «арабской весны», начавшейся шесть лет назад. Одним из её последствий стали конфликты нового типа. Главное их отличие связано с большим числом как местных, так и глобальных игроков в регионе и их зависимостью от трансформирующихся отношений в обществах. В шести арабских монархиях Персидского залива проживает около 44 млн человек, а в современном Иране – более 75 млн

¹ Хасан, Омар. Тяжелые времена для стран – членов ССАГЗ // Middle-east-online. December 19, 2014 (на араб. яз.). URL: <http://www.middle-east-online.com/english/?id=69347>

Воды Персидского залива на 45 % омывают берега ИРИ².

В настоящее время отношения Ирана с этими странами находятся под воздействием самых разных факторов: от региональных и общеарабских, до узко специализированных двусторонних. После трёх десятилетий изоляции, вслед за заключением сделки по Иранской ядерной программе (ИЯП) в 2015 г., иранская дипломатия значительно активизировалась, особенно в рамках Совета сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГЗ), существующего с 1981 г., куда входят все шесть арабских стран Персидского залива.

При помощи ССАГЗ осуществляется выработка актуальных позиций по широкому кругу вопросов, в том числе внешней политики, обороны, нефтегазовой повестки и т. д.

Среди членов ССАГЗ существует заметная дифференциация и несоразмерность по ряду ключевых показателей: от территории и численности населения, до больших разрывов в объёмах добычи углеводородов. Также присутствуют территориальные разногласия. Всё это влияет на характер внешнеполитических интересов и амбиции каждого правителя из «Аравийской шестёрки»: от маленького Бахрейна с населением в 1,3 млн человек до Саудовской Аравии (число жителей 30 млн) – лидера по объёму ВВП в арабском мире, которая играет роль гегемона в ССАГЗ. Практика показала, что выработка единых подходов, общеколлективных действий интеграционных структур в этой региональной организации – многосложный процесс.

Ирано-саудовские отношения.

Отношения между Саудовской Аравией и Ираном не были простыми, но в то же время нельзя сказать, что их разделяли непримиримые территориальные споры или какие-то другие проблемные исторические вопросы. Тем не менее, свержение шаха и победа в 1979 г. в Иране исламской революции резко поменяли ситуацию. Каждая из стран стала делать ставку на лидерство в регионе. Борьбу за него некоторые исследователи называют «холодной мини-войной» между двумя странами. Налицо несколько витков этой войны: в 2003 г. – после свержения в Ираке режима С. Хусейна, когда влияние Тегерана в Ираке усилилось, и в 2006 г. – после войны Израиля с движением «Хизбалла»³.

Новый всплеск противостояния в январе 2016 г. был вызван разрывом КСА дипломатических отношений с ИРИ вслед за казнью в Саудовской Аравии шиитского проповедника, одного из столпов местной оппозиции Нимра Аль-Нимра. Власти обвиняли его в подстрекательстве к массовым беспорядкам. Ряд членов ССАГЗ пошли по стопам саудитов, в частности Бахрейн, другие понизили статус своих отношений с Тегераном. Представляется, что эта акция саудовских властей была преднамеренной с целью спровоцировать ответную реакцию Тегерана и максимально подстегнуть напряжённость между двумя режимами.

Министр иностранных дел КСА Джубейр предупредил в 2016 г., что ИРИ нечего надеяться на мирные отношения с Эр-Риядом, пока Тегеран не прекратит «поддержку террора» внутри королевства и в его ближайшем окружении. В ответ президент ИРИ Х. Роухани обвинил КСА в «преступлениях», совершённых в регионе и вылившихся в «резне мусульман» в Ираке, Сирии и Йемене, и призвал страны региона реагировать для наказания властей монархии.

Обе страны на протяжении десятилетий опосредованно вовлечены в конфликты на Ближнем Востоке, будь то Сирия, Йемен, Ливан или Ирак. Они поддерживали и поддерживают в них противостоящие стороны, но избегают прямой военной конфронтации. У Ирана большая армия – от 600 до 900 тыс. человек, у саудовцев – около 200 тыс. Но военный бюджет КСА в стоимостном исчислении почти в 10 раз больше иранского.

Позиции двух стран касательно кризиса, охватившего САР с весны 2011 г., непримиримы. После исламской революции ирано-сирийские отношения приобрели характер партнёрских,

² Общепринятый в мировой географической литературе термин «Персидский залив», введённый ещё греческим астрономом Птолемеем в I в. нашей эры, оспаривается в арабском мире, особенно в аравийских странах. В официальных изданиях, прессе арабы называют залив «Арабским», а в Иране – только «Персидским».

По этому поводу не прекращается острая полемика между двумя сторонами, иногда подкрепляемая мерами воздействия на тех, кто «неправильно» использует это название. Так, в январе 2017 г. министр образования ОАЭ принял решение изъять термин «Персидский» залив и заменить его на «Арабский» во всех учебниках страны вслед за критикой тех граждан, которые обнаружили такое нарушение. С другой стороны, в 2010 г. Иран пригрозил запретить полёты в своем воздушном пространстве тех иностранных авиакомпаний, которые имели карты с упоминанием Арабского залива.

Многие иностранные, в частности западные, СМИ, чтобы не ссориться со сторонами – участниками этого лингвистического противостояния, в своих материалах используют слово «Залив» без определения.

³ Название этой организации передается в русскоязычных текстах несколькими разными способами. В статьях журнала сохранены те варианты, которые используют авторы-арабисты. . – *Ред.*

а затем союзнических. Дамаск и Тегеран демонстрируют совпадение и общность позиций антиамериканской и антиизраильской направленности в регионе, однозначно признают право палестинцев на «освобождение своей родины от оккупации сионистов», поддерживают радикальные палестинские и арабские организации, ставящие перед собой достижение этой цели.

Для Ирана Сирия важна, прежде всего, как мост для продвижения своей политики и идейных установок в Ливане с его большой и политически активной шиитской общиной. Поэтому с самого начала антиправительственных протестов в Сирии тегеранское руководство выступило в поддержку Дамаска, осудило массированное иностранное вмешательство в этот внутренний конфликт и приступило к оказанию режиму военной, финансовой, экономической, медийной и прочей помощи.

Эр-Рияд же встал на сторону сил оппозиции, в первую очередь джихадистского толка, целиком поддержал её цели по свержению президента Б. Асада и демонтажу его режима, стал одним из главных финансовых спонсоров «революционеров», как себя называют оппозиционеры. Власти КСА всемерно способствовали консолидации оппонентов режима Дамаска. Так называемая эр-риядская группа, созданная в декабре 2015 г. в столице КСА, включает в себя ряд формирований, которые, по сути, близки к террористическим, типа «Джабхат Ан-Нусра».

При этом руководство КСА в своих заявлениях ставит на одну доску ИГИЛ и правящий режим САР, называя режим Асада «вассалом Тегерана», клеймит Иран за посылку своих сил, а также подконтрольных ему отрядов «добровольцев» из шиитов Ирака, Афганистана и Пакистана в САР.

В то же время и Тегеран, и Эр-Рияд, как считает видный ливанский исследователь, научный сотрудник Лондонского университета Л. Хатиб, видят в ИГИЛ угрозу для себя. Но проблема в том, что искоренение ИГИЛ как в Сирии, так и в Ираке в случае, если оба режима, и дамаский, и багдадский останутся, будет означать для КСА автоматическое усиление влияния Ирана в этих странах и в регионе в целом⁴.

Наметившийся в конце 2016 г. перелом в войне в пользу правительства САР, особенно после освобождения Алеппо, вызвал замешательство в королевстве. Местные СМИ из антисирийского стана, чтобы принизить успех Дамаска, пытались объяснять его различными «кознями и заговорами», просчётами оппозиции, «предательством» Запада и Турции, которые бросили на произвол «сирийских “революционеров”»⁵.

Ситуация в Йемене также является проблемой в отношениях между ИРИ и КСА. В марте 2015 г. саудовский король С. бен Абдель-Азиз отдал приказ начать международную военную кампанию «Решающий штурм» против хуситов-повстанцев прошиитского толка, проживающих на севере страны и поднявших антиправительственное восстание под религиозными и социальными лозунгами.

В основе событий в Йемене лежат противоречия на религиозной почве между племенами — адептами зейдитского (прошиитского толка ислама) и шафиитского (просуннитского толка), обострившиеся после свержения в 1962 г. монархии и установления республики в Северном Йемене. В соответствии с общей статистикой, зейдиты составляют 40 % мусульман страны, а сунниты — 60 %. Особую роль в конфликте сыграла Саудовская Аравия, которая, являясь наследником идеологии ваххабизма, по сути, занимала позицию поддержки йеменских суннитов.

В 2004 г. сложившаяся ситуация послужила толчком для вооружённого мятежа, возглавленного Х. Аль-Хуси — вождем диссидентского крыла зейдитов севера Йемена. Мятеж перерос в кровавый конфликт (2004—2010 гг.), где на стороне войск, верных лидеру страны Салеху, действовали саудовские военные, а также американские инструкторы.

Начавшаяся 2011 г. в Йемене «арабская весна» привела к свержению режима Салеха, единолично правившему в стране с 1978 по 2010 гг., и всеобщей смуте. Хуситы воспользовались протестами масс против многолетней коррупции и социальных тягот, а также возникшим вакуумом власти. Давний вооружённый конфликт под предводительством Аль-Хуси разгорелся с новой силой, обнажив свой, имевшийся и раньше, сектантский подтекст.

Конфликт в Йемене на южных границах КСА беспокоит его власти. Созданная международная коалиция, которую они возглавили, объясняется необходимостью противостоять вспышке мятежа с «иранским следом» на своих границах. Тем более что в прошлые десятилетия саудитам

⁴ Для разгрома ИГИЛ требуется саудовско-иранский компромисс // *Carnegie-mec.org*. September 3, 2014 (на араб. яз.). URL: <http://carnegie-mec.org/2014/09/03/defeating-islamic-state-requires-saudi-iranian-compromise-pub-56521>

⁵ *Зинин Ю. Н.* Освобождение Алеппо: отклики ближневосточных медиа // *Новое восточное обозрение*. 2016. 22 декабря. URL: <http://ru.journal-neo.org/2016/12/22/osvobodzenie-aleppo-otkliki-blizhnevostochny-h-media/>

так или иначе удавалось держать верхушку Йемена — одной из самых бедных стран арабского мира при помощи финансовой и прочей помощи.

Очевидно, что Иран симпатизирует хуситам и поддерживает с ними контакты. Официальный представитель министерства иностранных дел Ирана в октябре 2016 г. обещал Саудовской Аравии воздать по «заслугам за её ужасные деяния в Йемене». Однако влияние Тегерана на хуситов не столь велико, как это представляется в СМИ. Так, представитель стран Залива сообщил британским журналистам в мае 2015 г., что до начала операции «Решающий штурм» в Йемене якобы находилось до 5 тыс. военных экспертов из Ирана и Ирака. Но если проанализировать первоисточники новостей о военном присутствии Ирана в Йемене, то можно выйти на агентства арабских монархий. Целью таких информационных вбросов является попытка привлечь на свою сторону новых союзников во внутренней борьбе в Йемене, которая представляет собой конфликт на кланово-политической, региональной и религиозной-племенной почве.

Иран, в свою очередь, утверждает, что КСА ведёт скрытую политическую игру против Исламской Республики, стремясь вызвать хаос в восточных районах Ирана — в провинции Систан и Белуджистан. Здесь, по данным иранских СМИ, 20 сентября 2016 г. силы безопасности арестовали двух террористов-пакистанцев, которые прошли террористическую подготовку в лагере, финансируемом Саудовской Аравией.

Напряжённость между двумя странами достигла пика летом 2016 г. после срыва ежегодного паломничества мусульман из Ирана в период хаджа в святые места Саудовской Аравии. Иранская сторона возложила ответственность за провал переговоров ИРИ с Эр-Риядом об условиях пребывания своих паломников на саудовцев и запретила их выезд. Власти КСА, по словам Великого аятоллы Ирана Насера Макарема Ширази, хотели «унизить иранцев» и «политизировать хадж». Обычно из Ирана в КСА ежегодно в период хаджа направляется 100 тыс. иранцев, плюс около 0,5 млн иранцев совершают малое паломничество.

На этом фоне неудивителен упадок двусторонних связей в самых разных областях. К примеру, торговля между ИРИ и КСА в 2014 г. составляла всего лишь 210 млн долл.⁶ При том, что общий объём внешней торговли КСА в 2012 г. достиг 507,5 млрд долл.

В медиаполе региона не спадает острота борьбы между двумя сторонами. Саудовские медиа-средства называют Иран «претендентом на региональное господство, подстрекателем» шиитов к бунту против правящих династий в Заливе. За всеми бедствиями и потрясениями в арабском мире, особенно после начала «арабской весны», они видят «руку режима иранских мулл».

Эр-Рияд был инициатором провозглашения ливанской «Хизбаллы» «террористической организацией» и принятия различных мер, в том числе репрессивных, против её сторонников в странах Залива. В ответ ИРИ продвигает тезис об «угнетении и дискриминации» арабов-шиитов, проживающих в странах Залива, намеренной их дискредитации как «еретиков и раскольников» и т. д. Тем не менее иранские ответственные лица время от времени посылают сигналы Эр-Рияду. 1 ноября 2016 г. вице-президент ИРИ, глава Организации по атомной энергии А. А. Салехи подтвердил готовность Исламской Республики вести диалог со странами региона, в том числе с КСА, для восстановления стабильности и безопасности на Ближнем Востоке.

Эр-Рияд как негласный лидер в ССАГЗ также стремится воздействовать на политику членов этой организации в регионе с целью ограничивать «инициативу» других членов, проявляющих независимость в отношениях с Тегераном в силу своих интересов и исторически сложившихся связей с этой страной. Так, ведущий ряда национальных телепрограмм Королевства Д. Шерьяна назвал «двойным» курс некоторых стран Залива на иранском направлении. По его мнению, у них «одна политика» — под крышей ССАГПЗ, а «другая» — в сфере своих двусторонних связей с Тегераном⁷.

Особняком стоит **Королевство Бахрейн**. Исторически остров на протяжении длительного времени, в XVII—XVIII вв., был частью Ирана или зависимым от него образованием. Во время массовых волнений в феврале 2011 г. власти Бахрейна, представленные суннитской верхушкой, обвинили Тегеран во вмешательстве в его внутренние дела и в манипуляции антиправительственной оппозицией. При поддержке вторгнувшегося на остров контингента сил КСА протесты были подавлены. Нынешняя сильная ориентация властей Манама на Эр-Рияд ставит под вопрос нормализацию отношений с Тегераном в ближайшее время.

⁶ Науар Ибрагим. Разные опции: саудовско-иранские отношения между перспективами сотрудничества и возможными конфликтами // Арабский научно-исследовательский центр (Каир). 11 февраля 2016 г. (на араб. яз.). URL: <http://www.acrseg.org/39914>

⁷ Мнение Дауда Аль-Шерьяна // Аль-Хаят (Лондон). 16 мая 2015 г. (на араб. яз.). URL: <http://alhayat.com/Opinion/Dawood-Al-Sheryan/9198293>

Среди других стран «арабской шестёрки» наибольшие перспективы для Ирана представляет **Султанат Оман**. У Ирана, по словам министра иностранных дел ИРИ Д. Зарифа, «прекрасные отношения» с Оманом, и нет пределов для их развития.

В 2016 г. двусторонние связи между ИРИ и Оманом расширились по всем азимутам. Было подписано соглашение о делимитации морской границы между ними. В настоящее время действуют прямые ежедневные авиарейсы между Маскатом и Тегераном, а также прямой рейс между Маскатом и Ширазом, что в провинции Фарс. Была создана Объединённая торговая палата. Иранцы могут создавать компании в Омане, особенно в его свободных зонах. В Омане официально зарегистрировано 259 иранских компаний. В свою очередь оманцы стремятся инвестировать в иранский порт Чабахар. Вклады Омана в Иран в несколько раз превышают инвестиции Ирана в Султанат⁸.

В 2013 г. две страны подписали соглашение о поставках газа в Оман по трубопроводу из Ирана – это один из крупнейших совместных проектов. По заявлению ответственных лиц Ирана, с завершением прокладки трубопровода Иран будет экспортировать в Оман до 10 млрд куб. м газа в год. После того, как международные санкции в отношении Тегерана были сняты, обе страны возобновили усилия по реализации проекта⁹.

Объём двусторонней торговли, который составлял 200 млн долл. в 2006 г., в 2016 г. достигнет 1 млрд долл. Основными экспортными товарами Ирана в Оман являются изделия из стали, нефтехимия, медь, цемент, сельскохозяйственные продукты, ковры и т. д.¹⁰

Оман представляет интерес для Ирана ввиду своего выгодного стратегического положения, так как его морские порты являются воротами для рынков стран Азии и Африки. Сотрудничество Ирана и Омана повысит транзитную роль обеих стран в регионе.

Другой важный партнёр Ирана в регионе Персидского залива – **Объединённые Арабские Эмираты**. По словам главы департамента ОАЭ в Торгово-промышленной палате Ирана М. Дашешманда, напряжённость в отношениях между Тегераном и Эр-Риядом «мало» повлияла на коммерческие связи двух стран в силу налаженных партнёрских связей между ними.

В течение первых четырёх месяцев текущего финансового года ИРИ (20 марта – 21 июля 2016 г.) из Ирана в ОАЭ было экспортировано более 5,5 млн тонн товаров на сумму 2,5 млрд долл. Данные показатели говорят о росте иранского экспорта в арабскую страну на 47 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года. Основу экспорта составили газовый конденсат, нефтепродукты, изделия из стали, другие товары¹¹.

В списке импортируемых иранцами из ОАЭ товаров – оборудование, детали промышленного назначения, транспортные средства, кондиционеры, продукты питания и т. д. Согласно иранской статистике, на территории Эмиратов действуют 80 тыс. иранских компаний.

В настоящее время между двумя странами осуществляется 200 авиарейсов еженедельно. При этом Дубай считается крупнейшим реэкспортным пунктом для Ирана в его торговле с Афганистаном и Средней Азией. В 2001 г. этот торговый поток оценивался в 7,6 млрд долл.

В то же время раздражающим фактором в отношениях между Ираном и ОАЭ является спор из-за принадлежности трёх островов в Персидском заливе (Абу-Муса, Большой и Малый Томб), который имеет 46-летнюю историю. В ноябре 1971 г., за два дня до провозглашения независимости ОАЭ, иранские войска высадились на острове Абу-Муса и оккупировали стратегически важные острова – Большой и Малый Томб, принадлежавшие тогда княжеству Рас-эль-Хайме.

Остров Абу-Муса площадью в 20 кв. км расположен в Ормузском проливе, его население – арабское, около 1 000 человек. На острове Большой Томб (площадь 9 кв. км) проживает около 700 человек. Остров Малый Томб в 3 кв. км необитаем.

В вопросе об «иранской оккупации» трёх островов позиция Абу-Даби поддерживается со стороны других стран, прежде всего Персидского залива. В рамках ССАГЗ была создана специальная трёхсторонняя комиссия (Саудовская Аравия, Оман, Катар) для разработки механизма переговоров с Ираном по решению данной проблемы.

⁸ Оман и Иран на пороге нового этапа экономического сотрудничества // Аль-Кудс аль-Арабий (Лондон; на араб. яз.). 8 октября 2016 г. URL: <http://www.alquds.co.uk/?p=610186&print=1>

⁹ Оман и Иран меняют маршрут будущего газопровода // Новости Ирана. 8 июля 2016 г. URL: http://www.iran.ru/news/economics/101775/Oman_i_Iran_izmenyat_marshrut_budushchego_gazoprovoda

¹⁰ Активизация торговли с Оманом // Новости Ирана. 22 августа 2016 г. URL: http://www.iran.ru/news/economics/101906/Aktivizaciya_torgovli_s_Omanom

¹¹ Положительное сальдо торгового баланса Ирана с ОАЭ // Новости Ирана. 16 августа 2016 г. URL: http://http://www.iran.ru/news/economics/101805/Polozhitelnoe_saldo_torgovogo_balansa_Irana_s_OAE

Официальная позиция Ирана заключается в том, что острова Большой и Малый Томб являются частью Ирана, подчиняются его суверенитету, и дискуссия по этому поводу исключена. Однако переговоры по поводу Абу-Мусы могут вестись в духе, который бы обеспечил безопасность Ирана и его экономические и стратегические интересы в Заливе. Острова имеют ключевое расположение в заливе, через который осуществляется транзит крупных объёмов иранской нефти, идущей на экспорт, а также жизненно важный импорт.

Эмираты делают ставку на разрешение спора с Тегераном мирным путём – через двусторонние переговоры или международный арбитраж. При этом ОАЭ демонстрируют желание прагматично отделить политические аспекты своих отношений с Тегераном из-за спора об островах от заинтересованности поддерживать с ним масштабные торгово-экономические, культурно-гуманитарные и прочие связи.

Для самого Ирана ОАЭ оставались в течение длительного времени своего рода «легкими», благодаря которым экономика Ирана могла «дышать». В период действия западных экономических санкций против ИРИ через ОАЭ иранцами велись различные валютные операции, которые было невозможно осуществить на Западе.

Согласно данным из иранского источника, капиталовложения Ирана на территории ОАЭ составляют от 200 до 300 млрд долл. По некоторым сведениям, в руках иранской общины в ОАЭ в 2012 г. находилось более 15 % всех богатств и недвижимости этой страны.

В ОАЭ проживает примерно 0,5 млн граждан Ирана, что равняется 50 % коренного эмиратского населения. Больше всего из них – 400 тыс. человек находятся в Дубае. Это в основном наёмная рабочая сила, предприниматели, здесь официально зарегистрировано около 8 тыс. иранских коммерсантов¹².

В новых условиях ОАЭ может сыграть роль своего рода моста для западных инвесторов в отношении Ирана, поскольку у последнего не развиты современные логистика и инфраструктура, ощущается дефицит квалифицированных кадров для активизации деловых отношений.

У Ирана с **Кувейтом** были довольно тесные отношения ещё до получения последним независимости. Тегеран стоял на стороне Кувейта перед лицом территориальных претензий Багдада на это княжество и поддерживал его во время войны саддамовского Ирака против Кувейта.

Объём торговли между двумя странами в последнюю четверть XX в. постоянно увеличивался и к началу XXI в. достиг 100 млн долл. В Кувейте находится примерно 70 тыс. иранцев, работающих в самых различных областях хозяйства и услуг. Большой поток местных религиозных туристов ежегодно направляется в иранские священные города Кум и Мешхед. В августе 2016 г. в своём заявлении председатель парламента Кувейта М. Али аль-Ганема подчеркнул, что без дружественных отношений с Тегераном у стран ССАГЗ не может быть уверенности в стабильности региона.

У **Катара**, по оценке арабского эксперта Аз-Зааби, накануне «арабской весны» были наиболее близкие отношения с Ираном среди стран ССАГПЗ. Политика Дохи на иранском направлении определялась следующими основными задачами. Во-первых, избегать каких-либо осложнений или проблем с Тегераном в силу того, что большая часть крупнейших газовых месторождений Катара находится по берегам внутри зоны спорных границ с Бахрейном. Эти поля тянутся к границам Бахрейна с Ираном. Во-вторых, занять более важное место в регионе после того, как лидерство Египта здесь пошатнулось вследствие затяжного внутривосточного кризиса¹³.

После начала арабских «революций» отношения Дохи с Тегераном пострадали ввиду того, что оба государства оказались по разные стороны в оценке происходящих событий. Это относится к сирийскому и бахрейнскому досье, к позиции Дохи по отношению к Ассоциации «Братья-мусульмане», которую Катар поддерживает в противовес Ирану, к оценкам Дохой политики нынешнего руководства Ирака и т. д.¹⁴

Однако в последнее время в ирано-катарских отношениях наблюдаются некоторые признаки разрядки. Были возобновлены контакты между представителями торговых и экономических ведомств, создан Совместный комитет по делам экономического сотрудничества.

¹² *Атриси, Талаяль*. Отношения Ирана со странами Арабского машрика и залива // Арабский научно-исследовательский центр (Каир). 17 января 2011 г. (на араб. яз.). URL: <http://www.dohainstitute.org/home/print/5d045bf3-2df9-46cf-90a0-d92cbb5dd3e4/ea9a44bd-a864-4f4d-9010-b2f2ebd09b4c>

¹³ *Аз-Зааби, Хаям М.* Вернет ли Роухани иранско-катарские отношения в нормальное русло? // Аль-Манар (Бейрут). 19 октября 2013 г. (на араб. яз.). URL: <http://manar.com/page-11902-ar.html>

¹⁴ *Аль-Ага, Ода*. Геополитика Иран и её влияние на его региональные амбиции // Аль-Арабий 21 (Стамбул). 19 апреля 2015 г. (на араб. яз.). URL: <http://arabi21.com/story/835471>

В июле 2016 г. в ходе телефонного разговора президент ИРИ Роухани и эмир Катара стороны согласились, что урегулировать региональные проблемы можно только с помощью политического диалога. Катарский эмир отметил, что они должны решаться региональными государствами, а не иностранными державами, и подчеркнул важность сотрудничества с ИРИ в области борьбы с терроризмом, установления мира и стабильности в регионе¹⁵.

Ориентация Ирана на улучшение и развитие связей с шестёркой очевидна. Взяв курс на расширение экономических, торговых, инвестиционных и прочих связей, наращивание дипломатических усилий, политику «мягкой силы», Иран стремится обрести более заметную геополитическую роль как мини-державы в Персидском заливе.

Иранское бизнес-сообщество заинтересовано в интенсификации старых связей, поиске новых рынков в регионе, использовании инвестиционных возможностей капиталозбыточных арабских соседей, их финансовых организаций и структур. После снятия западных санкций и пересмотра экономической политики страны частный сектор ИРИ старается активно закрепиться на региональных рынках.

Тем не менее, на пути нормализации отношений между Ираном и арабскими монархиями Персидского залива есть немало препятствий. Тот факт, что Иран и «арабская шестёрка» — крупные производители углеводородного сырья, с одной стороны, определяет целесообразность сообща отстаивать свои интересы в отношениях с потребителями. Но, с другой стороны, эти страны монотоварны, поэтому в определённой степени действуют как конкуренты на мировых нефтяных рынках. По словам заместителя главы «Ассоциации корпораций нефтехимической промышленности» Ирана Ф. Каримаеи, иранская нефтехимическая промышленность и саудовская корпорация Saudi Arabia Basic Industries Corporation (SABIC), а также Катар начали «новое соперничество» за европейский нефтехимический рынок¹⁶.

Хотя Иран обладает меньшими запасами нефти, он может составить конкуренцию КСА на мировом нефтяном рынке, а вместе с Ираком, где влияние Тегерана растёт, способен теоретически после полного снятия санкций сравняться и даже обойти саудовцев в области нефтедобычи. Поэтому Саудовская Аравия остаётся главным соперником Ирана в регионе. КСА, пытаясь воздействовать на монархические режимы Залива и Запад тем, что после полного снятия санкций Иран получит много дополнительных средств и бросит их на дестабилизацию ситуации в окружающем регионе.

Суннитско-шиитский разлом: вчера и сегодня

Улучшение отношений между руководством и духовными элитами Ирана и КСА в ближайшем будущем вряд ли возможно, поскольку нынешнее противостояние между ними во многом имеет идеологическую подоплёку, уходящую своими корнями в глубины истории ислама.

Главные противоречия между суннизмом и шиизмом кроются в вопросах религиозной догматики и теологии. основополагающее расхождение двух течений заключалось в толковании религиозных текстов, и главное — права наследования халифата после смерти пророка Мухаммеда.

Оно, согласно преданию шиитов, принадлежит Али — зятю и четвёртому мусульманскому «праведному халифу» (656—661 гг.), который был убит своими противниками. Борьба между лагерями за престол продолжалась до тех пор, пока в IX в. в детском возрасте не «исчез» один из потомков Али — Мухаммад аль-Махди — 12-й шиитский имам. Он получил имя «скрытого» имама и «Ожидаемого Спасителя».

Этот культ стал центральным в догматике шиитов. При этом особую роль в шиизме играет деятельность *муджахидов* — богословов-авторитетов в области законодательства. Согласно их установкам, любая политическая власть являлась «узурпаторской» до прихода «скрытого» имама. С XVI в. шиизм был признан государственной религией Персии.

Вера в Мессию сохранилась и как историческая утопия, и как религиозная надежда. После провозглашения Исламской республики Иран в 1978 г. в конституцию включили статью, согласно которой Высшим должностным лицом в государстве должен быть представитель религии.

¹⁵ Роухани говорит о будущем видении политики страны в отношении Катара // Россия сегодня. 5 июля 2016 г. (на араб. яз.). URL: <http://arabic.rt.com/news/830944>

¹⁶ Саудовская Аравия начинает соперничество за нефтехимический рынок ЕЭС // Новости Ирана. 29 июня 2016 г. URL: http://www.iran.ru/news/economics/101078/Iran_i_Saudovskaya_Araviya_nachinayut_sopernichestvo_za_neftehimicheskiy_rynok_ES

За последний, почти 40-летний период истории, шиизм, к которому принадлежат 10–15 % всех мусульман в мире, под влиянием революции в Иране консолидировался в самой стране и укрепил свои позиции в Ливане, Ираке, Бахрейне, приобретя региональное значение¹⁷.

При помощи различных аспектов шиитского фундаментализма с его проповедью революционных лозунгов и социально-экономическим реформаторством (в т. ч. идейно-финансово-военного порядка) Тегеран содействует продвижению своей доктрины в ряде стран региона. В ней, в частности, делается упор на «праведности» борьбы за справедливость, равенство, за права «всех обездоленных» против «деспотичных» правителей, высок уровень антизападных и антиизраильских акцентов с призывом к освобождению «всей Палестины».

И хотя режим аятолл после смерти Хомейни отказался от экспорта исламской революции, он ведёт мощную медийно-пропагандистскую кампанию с целью распространения своего влияния на арабов-шиитов, на остальных мусульман. В её фокусе маргинальные слои, особенно традиционно недовольные и ущемлённые тиранией коррумпированных правителей, в первую очередь монархических нефтяных династий-союзников США [1].

Тем не менее исторический опыт показывает, что факт принадлежности к суннизму или шиизму не мешал объединению их адептов вокруг какой-либо общей политической идеи или программы в обществах арабского мира. К примеру, в Ираке среди основателей и руководства партии Баас – основного глашатая арабского единства – преобладали местные шииты.

Официально руководство Ирана провозгласило курс на такриб – сближение этих двух течений, что поддерживается в целом суннитским духовенством и официальными кругами в странах ближневосточного региона.

Так, шейх влиятельного в исламском мире университета «Аль-Азхара» д-р А. Тайиб в феврале 2012 г. утверждал, что его заведение не изменит свой курс по отношению к шиизму с учётом важности внутриисламского диалога. Он продолжит следовать пути сближения между суннизмом и шиизмом в рамках призыва к этому, провозглашённому прежним главой университета шейхом М. Шелтутом и шиитским авторитетом Ирана Т. Куми.

По мнению профессора Д. Султана – видного катарского историка и политолога, главы проекта «Возрождения», одна из самых больших трудностей, стоящих перед арабским миром, – отделить религиозные течения от политики. Он указывает на обеспокоенность суннитов активностью иранского правительства с целью возбудить шиитов, ввести их в поле политического действия, использовать как один из инструментов политики Тегерана. По его мнению, важно противостоять этой «опасной практике» иранских властей и вести её критику, а не пускаться в разговоры о страхе перед лицом «всеобщей шиитизации»¹⁸.

В тоже время нужно трезво оценивать тот факт, что в ближневосточном регионе религия часто используется в политической борьбе. Так, после антимонархической революции 1962 г. в Йемене и бегства его зейдитского короля, руководство КСА на тот период заняло позицию поддержки свергнутого правителя. Оно оказывало военную, финансовую и прочую помощь роялистам в войне против прогрессистов-офицеров, пришедших к власти и поддержанных насеровским Египтом, который послал в Йемен свой экспедиционный корпус. В этот период в одном лагере с саудовцами, противостоявшими йеменским революционерам, воевал и шахский шиитский Иран. Сегодня саудовская авиация бомбит зейдитских повстанцев на территории Йемена, называя их террористами, а Иран встал на сторону восставших хуситов.

В 1980 г. иракский лидер С. Хусейн, вторгнувшись в хомейнистский Иран и захватив одну из его областей – Ахваз (Хузистан), где в основном проживали арабы шиитского толка, рассчитывал, что они встретят с распростёртыми объятьями своих освободителей – «арабских братьев» из Ирака и провозгласят республику. Однако эти надежды провалились, арабское население ушло из Ахваза и не поддержало оккупантов. Позднее их изгнала иранская армия. При этом в ходе этой войны (1980–1988 гг.) баасистское руководство Ирака отобилизовало на фронт сотни тысяч жителей, в большинстве своём иракских шиитов, которые воевали против своих единоверцев из Ирана. В свою очередь хомейнистское руководство Ирана в ходе той братоубий-

¹⁷ Сегодня шииты составляют 10 % мусульман на планете (которых насчитывается 1,7 млрд во всём мире). 80 % из 75 млн иранцев относятся к шиитам-двунадесятникам. В Ираке шииты составляют 60 % населения. Крупные шиитские общины существуют в Ливане (30 % населения), в Турции, Кувейте, Бахрейне и в Объединённых Арабских Эмиратах. В трёх последних странах, взятых вместе, шиитов насчитывается 48 %, что объясняется ирано-пакистанской иммиграцией. 10 % шиитов – среди населения Саудовской Аравии, более 20 % – в Пакистане и Афганистане.

¹⁸ Султан Д. Проект «Возрождения» катарского ученого // Сайт Форумов сетей катарских акционеров «Аль-Асхам Аль-Катария» (Доха). 22 мая 2010 г. (на араб. яз.). URL: <http://www.qatarshares.com/vb/showthread.php?367364-quot>

ственной войны создало «освободительный корпус Ирака» из попавших в иранский плен или дезертировавших иракских солдат-шиитов.

Сегодня приходится констатировать, что суннитско-шиитские противоречия использовали и используют в своих целях и внешние игроки, прежде всего США. Так, в ходе ирано-иракской войны Вашингтон, по сути, поддерживал власти Багдада и стоявшие за ним суннитские монархии в противовес новому иранскому режиму, порвавшему отношения с США после свержения шаха – верного заокеанского союзника.

Но с конца 1990-х гг. прошлого века в русле подготовки США к агрессии против Ирака стал подниматься вопрос о судьбе шиитского большинства этого государства. Шиитов принялись ассоциировать с «жертвами просуннитского режима С. Хусейна». Тем самым ставилась задача расшатать иракское общество накануне вооружённого вторжения коалиции.

Затем, после реализации целей в Ираке, для дискредитации Ирана, а также Сирии и их сталкивания со странами Залива, в США стали распространяться иные клише: о «фанатичных шиитах» и «умеренных суннитах». В медиапространстве начал раскручиваться тезис о «растущей шиитской угрозе», роли «шиитского полумесяца» (территория от Ирана через Ирак до Ливана). Это делалось для того, чтобы играть на настроениях верующих: на их предрасположенностях и на межобщинных противоречиях в Сирии и Ираке.

Сегодня нельзя пройти мимо попыток исказить политику РФ в Сирии и во всем регионе, представить её односторонней – прошиитской, проиранской. Пишут и говорят о некоем блоке «Москвы – алавитского режима Сирии – Ирана – Багдада – Хизбуллы» с целью потеснить страны и сообщества, где доминирует ислам суннитского толка. Распространяются разного рода клише о намерениях Москвы «оккупировать» Сирию, сделать её своим «протекторатом». Предпринимались попытки приписать РФ стремления к геополитическому переделу региона по типу нового «соглашения Сайкса-Пико»¹⁹.

Ясно, что речь идёт о целенаправленной кампании по дискредитации политики России, по нанесению ущерба её интересам и присутствию в регионе. Возможно, её авторов и проводников беспокоит заинтересованность России в развитии своих торгово-экономических, культурных и прочих отношений как с арабскими монархиями Залива, так и с Ираном. Одной из причин такого беспокойства могут быть перспективы взаимодействия Москвы с крупными нефтедобывающими странами Залива, в частности, в поле координации ценообразования на мировых рынках энергоносителей, участия российских нефтяных организаций в разработке углеводородных месторождений в этом регионе и т. д.

Поэтому на дипломатическом уровне в контактах с КСА и Ираном, другими странами Залива российские представители отвергают попытки нагнетания конфликта по суннитско-шиитской линии, столкнуть между собой мусульман в Заливе. Москва была и остаётся посредником для встреч и контактов представителей разных течений ислама в целях нахождения общего языка между ними, использования и культивирования многовекового опыта добрососедства России с исламской цивилизацией и культурой. Россия в своей политике в ближневосточном регионе и шире, в мире ислама, всегда последовательно проводила линию на поддержку сплочения мусульманских стран и народов, особенно в борьбе против радикализма [2].

В борьбе против радикализма также востребована политика нормализации напряжённых отношений между Тегераном и Эр-Риядом, с которым так или иначе солидарны страны Совета сотрудничества, и от которых зависит перспектива мирного разрешения сирийского и йеменского конфликтов, внутреннего согласия и стабильности в Ливане и Ираке. Деструктивные двусторонние отношения между странами также осложняют консолидацию усилий международного сообщества в борьбе с ИГИЛ и с международным терроризмом.

¹⁹ Согласно секретному соглашению Сайкс-Пико 1916 г., Великобритания и Франция разделили между собой бывшие владения Османской империи на Ближнем Востоке. Арабы Ливана, Сирии, Трансиордании, Палестины оказывались под властью двух европейских держав. Этот раздел территорий соответствовал лишь интересам колониалистов, были возведены во многом искусственные границы, без учёта исторических, культурно-языковых и прочих реалий.

Relations of Iran and Arab Countries of Persian Gulf: Some Aspects

Yuri Zinin, PhD (History), Leading Researcher
Civilizations` Partnership Center,
Institute for International Studies,
MGIMO-University.

119454, 76 Vernadsky Ave., Moscow. E-mail: zinin42@mail.ru

***Summary.** The article emphasizes some aspects of relations of Iran and six Arab countries of the Cooperation Council for the Arab States of the Gulf (GCC) established in 1981. The issue of Saudi-Iranian relations, which are facing persistent deterioration since Islamic Revolution in Iran in 1979, is examined in broad terms.*

Nowadays these relations are witnessing the lowest level since diplomatic ties between two countries were severed in 2016. Consequently both states for a number of years had been involving into internal conflicts in Syria, Iraq, Yemen and Lebanon.

The article covers commercial, economic, political and other relations of Teheran with the rest of the GCC members and theirs perspectives. The author analyses the influence of sunni-shiit factor on the policy of ruling elites in the region.

***Keywords:** Saudi Arabia, Iran Syria, Iraq, Yemen, Lebanon, elite, Islam, Arab spring ISIL, Sunni-Shiit factor, relations.*

Литература / References

1. Зинин Ю. Н. Первый год правления саудовского монарха Сальмана: некоторые итоги // Международные процессы. – 2016. № 2 (16). – С. 57–66.
2. Попов В. В. О суннитско-шиитских разногласиях // Ежегодник ИМИ. – 2016. № 1 (15). – С. 84–86.